

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА В КОРОНАЦИОННЫХ ФЕЙЕРВЕРКАХ 1724¹1750-х гг.

Работа представлена кафедрой русской истории.

Научный руководитель - кандидат исторических наук, доцент Т. Г. Фруменкова

Православная этика в фейерверках недостаточно проанализирована историками. Символическое выражение добра, покорности, жертвенности воплощалось в особых эмблемах, которые будут исследованы в статье.

The Orthodox symbols in fireworks have been insufficiently analysed by historians. Symbolic expression of good, submission and beneficence was realised in special emblems, which are analysed in the article.

Коронационные фейерверки устраивались в России, начиная с коронации Екатерины Алексеевны. Исследователи анализировали культурное значение «пиротехнических представлений», комплексно изучали оды и прозаическую литературу XVIII в., но не уделяли внимания национальным, церковным этикетным аллегориям эмблем огненных праздников¹.

В царствование Петра Великого в фейерверках не использовалась символика, выражавшая поклонение Богу. Распространенной российской национальной эмблемой в коронационных «огненных зрелищах» стал двуглавый орел. Он являлся центральной светской доминантой -- символом императорской власти.

Менее известна эмблема с изображением Благочестивой Девы, молившейся пе-

ред алтарем, от которого шел дым жертвенного огня. Она начала использоваться в царствование Петра II и в дальнейшем получила широкое распространение. Ее изображение обозначало возвращение к православной этике покорности, послушания, так как на эмблематическом языке начала XVIII в. жертвенник символизировал эти ценности². Композиция с изображением склонившейся в молитве девы стала с конца 1720-х гг. такой же важной, как военная атрибутика, и иногда превосходила ее по значимости.

Изображение поклоняющихся женщин являлось традиционным. На коронации 1724 г. Екатерина I несколько раз выступала как стоящая на коленях, покорная супруга Петра Великого. Примерно в 1730 г. в аллегорическом изображении Академии

наук к празднику коронации изображена дева с детьми, благочестиво склонившаяся перед Марсом, которому Слава надевала венок Победы'. Композиция символизировала благодарность государыни и ее подданных богу войны за триумфы.

Аллегория девы, молящейся перед алтарем, впервые использовалась в иллюминации в ходе коронации Петра II 1727 г. Феофан Прокопович спроектировал к этому торжеству изображения главных православных ценностей: патриотизма, веры, справедливости. Символами, выделявшимся из общей военной и панегирической риторики, являлись жертвенники с символом Бога наверху и кадила (рис. 1)⁴. Их допол-

а)

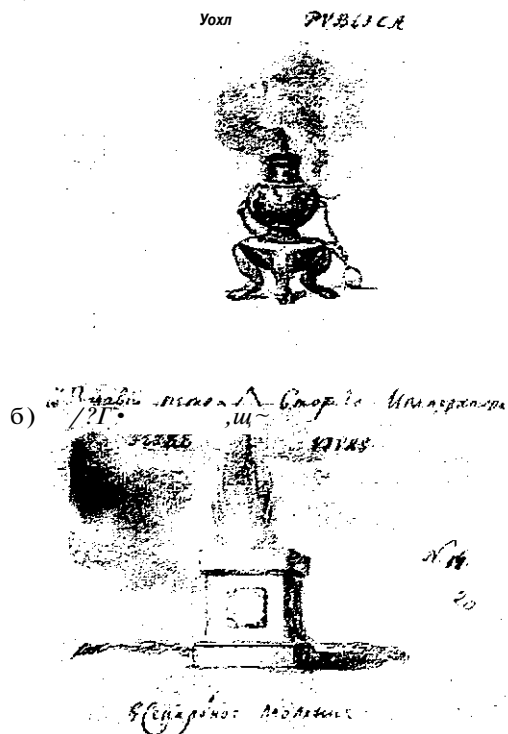

Рис. 1. Рисунки к коронации Петра II:
а - кадило; б - жертвенник

няли аллегии с изображением королевских особ, которые разжигали огонь на жертвенниках⁵, стилизованных под античность, или молились перед ними⁶. Эмблемы в своих проектах Ф. Прокопович де-

тально не объяснял. Эти эмблемы были похожи на кадило из сборника «Символы и эмблематы» (рис. 2). Я. Я. Штелин изображал подобные символы в рисунках к ко-

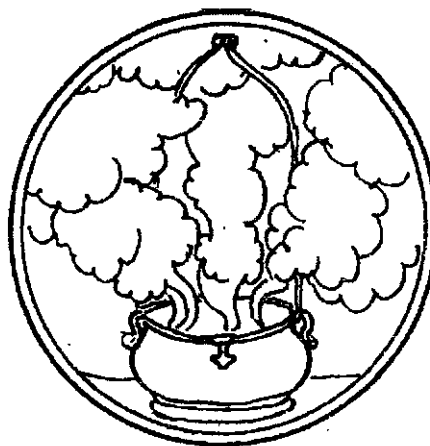

Рис. 2. Кадило из сборника
«Символы и эмблематы»

ронационным фейерверкам для Анны Иоанновны. Однако на эмблемах академика изображались кадила, а неопределенные предметы (скорее всего, жертвенники) (рис. 3)⁷. Иллюстрации к эмблемам рисовали известные авторы, в том числе Х. Гольдбах.

Жертвенные кадила изображались в разных ситуациях. Большое кадило было нари-

Рис. 3. Черновик рисунка Я. Я. Штелина
к коронации

совано в черновиках к коронации Петра II отдельно с надписью «VOTA PUBLICA»⁸. В классической латыни существует несколько распространенных переводов существительного *vota*: 1) желание, 2) моление, 3) возглас. В России фразу толковали как «волю народа» или «народное моление». Эта риторика часто использовалась в античных одах, посвященных римским императорам.

В кратком описании притчи о суде Соломона кадило символизировало благую, мудрую жертву⁹. Надпись: «Прими, Господи, во благо» - под обелиском (символом благополучия власти) и противопоставление раздора мирному единоначалию обозначали преимущества стабильного царствования, основанного на исполнении божественной воли и премудрости. Иллюстрации в рисунках к проектам коронации Петра II, сочиненные Ф. Прокоповичем, были дополнены символами покорности, мудрого смирения, жертвенности.

В ходе коронации Петра II были восстановлены все утраченные в 1724 г. каноны венчания на царство. Феофан Прокопович обвинил авторов коронационной церемонии 1724 г. в крамоле. Он не назвал коронацию Екатерины I историческим примером для организации коронования Петра Второго. Архиепископ пытался возродить авторитет Церкви и в особенности высшего клира во время новой репрезентации власти. Он восстановил правило возложения архиереем (а не светским лицом, как это было в 1724 г.) короны на голову монарха, стоящего на коленях, возродил обычай церковного трона (возведения на соответствующий предмет архиепископа, а не монарха), пения благодарственной, прославляющей молитвы высшим духовенством и т. д. Во время коронации 1727 г. была отменена пальба из пушек¹⁰. На триумфальных воротах, медалях и во время фейерверка использовались религиозные эмблемы. О Петре Великом вспоминали мало. Новшества должны были доказать, что общественно-политическая парадигма изменилась.

Тем не менее светские символы власти использовались в фейерверках. Идеология абсолютизма, обожествления власти (и одновременно ее десакрализации из-за признания земных оснований права на царствования), полного оправдания действий монарха имела большое значение. Вот почему в коронационной церемонии при воцарении Анны Иоанновны роль Церкви вновь оказалась снижена, начинал складываться культ личности императрицы. Во время праздника шла пальба из пушек, показали большой фейерверк.

Однако военная тематика в коронационных фейерверках после Петра I применялась намного реже, чем в первой четверти XVIII в. В царствование Анны Иоанновны изображения моления перед алтарем широко использовались в символике. В виде девы, стоявшей на коленях у жертвенника, изображалась Россия или подданные императрицы. Однако в коронационных фейерверках 1730-1750-х гг. применялась преимущественно светская символика.

В «викториальном» фейерверке на день рождения Анны Иоанновны 1738 г. использовались религиозные эмблемы, возмечивавшие императрицу. В описании и сентенциях к нему сообщалось: «Россия во образе великолепных жен, имеющая во главе императорскую корону. <...> Горящая на олтаре жертва значит чистое желание и намерение сего действия; а восходящий от оныя дым, который делает облако тверстаго неба, показывает несомненную надежду о том, что сие желание богу приятно и от него милостивым услышанием благославляется». Примечательно то, что в этом «викториальном» фейерверке, приуроченном ко дню рождения Анны Иоанновны, использовалась поэтика и риторика, характерная для коронационных фейерверков царствования Петра II. Различие заключалось в том, что заслуги императрицы еще более гиперболизировались. Образ России в виде девы, облаченной в одеяние из императорских орлов, с императорской коро-

Рис. 4. Рисунок к коронации Петра II

ной на голове также использовался ранее в эмблемах 1728 г. Их религиозная составляющая заключалась в том, что в них символическая Российская империя стояла на коленях перед жертвенником, на котором дымился огонь. В приложении приведена эмблема 1728 г., на которой изображение Россия не преклоняется перед жертвенником, однако эта символическая композиция практически полностью соответствует описанию 1738 г. (рис. 4)¹. Как отмечалось, в

эмблемах, подготовленных к коронации Петра II, использовался символ девы в разных вариантах. Выходит, академики, составляя инвенцию фейерверчного представления 28 января 1738 г., учитывали или использовали разработки Ф. Прокоповича и Х. Гольдбаха 1728 г. В «викториальном» фейерверке 1738 г. отсутствовали строгие каноны коронации 1728 г., однако религиозные этикетные формулировки сохранились.

В царствование Анны Иоанновны изображения моления перед алтарем широко использовались в символике. Однако в коронационных фейерверках 1730-1750-х гг. применялась преимущественно светская национальная символика.

Покорность, смирение, доброта, спокойное царствование, как ценности, противопоставлявшиеся военному прошлому, сохранялись в 30-50-е гг. XVIII в. Если в 1730-е гг. аллегории моления перед алтарями продолжали использоваться, то после восшествия Елизаветы Петровны на престол этические доминанты фейерверках изменились. Это произошло, очевидно, потому, что императрица желала отождествлять себя с монархом-мужчиной, царствующим в светском, образованном государстве. Культурные образы Просвещения и аллегории богатства, роскоши, щедрости, радости, удовольствия очень быстро вытеснили религиозную тему, популярную в конце 1720-х - 1730-х гг. из фейерверков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Maggs B. W. Firework Art and literature: Eighteenth - Century Pyrotehnics. The Slavonic and East European Review. Vol. LIV. No. 1, January. 1976; Geldern J. The Ode as a Performative Genre/ Slavic Review. Vol. 50. 1991 № 4; Уорншан Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004Т. 1; Проскурина В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

² Краткие истолкования означения изображений // Символы и эмблемата. М., 1995. С. 57.

³ ПФАРАН. Разр. XII. Оп. 2. Ед. хр. 28/1.

⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 18, 20. Публикуется впервые.

⁵ Павленко Н. И. Петр II. М., 2006.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 21.

⁷ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее - ПФАРАН). Ф. Я. Я. Штелина. Ед. хр. 77. Л. 1.

^к РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 18.

" РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 20.

¹¹¹ *Жмакин В. И.* Коронации русских императоров и императриц. СПб., 1898.

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1738 г. СПб., 1738. С. 40-41.

¹² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 20.